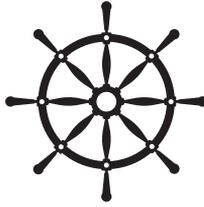

КНИГА I
АВАНТЮРА

ГЛАВА 1

ЗА ДВА ГОДА ДО

Отче наш, сущий на небесах!
Да святится имя Твое;
да придет Царствие Твое;
да будет воля Твоя и на земле, как на небе...
Аминь.

Звон колокола. Грубый, резкий, не такой, как в Крайст-черч. Но какое это имеет значение, если возвещает он все о том же — пора. Пора открыть единственный еще зрячий глаз и выйти на свет из каюты, являя миру недовольное лицо.

Три четких удара — час тридцать по корабельным часам. Не положено капитану столько спать, даже если он нес вахту, даже если забыться болезненным сном толком и не вышло из-за пульсирующей головной боли и кровящей раны на лице. Кайджел О'Райли хотел бы забыть и никогда не вспоминать, как звонит на колокольне в Крайст-черч мальчишка, как его кормят хлебом и теплым молоком, забыть, в сущности, о том, кто он вообще такой. Она. Моргана О'Райли.

В условиях морской качки, на заблеванной незадачливым сагагой палубе, вообще-то ее имя имеет огромное значение. Никто на корабле не будет слушаться тебя, если ты не справляешь нужду за борт стоя. Никто не будет исполнять приказы женщины. Да и женщина на корабле — к беде. Глупое суеверие, которое, впрочем, укрепилось в сознании, въелось, как морская соль в доски. Ну и слава богу. Нечего женщинам делать на корабле.

За почти четыре года в море Моргана О'Райли уже привыкла быть совершенно другим человеком. Всегда. От нее старой не осталось ничего. Даже шрамы, напоминающие о сложном пути,

который пришлось проползти, проложить локтями и лезвием клинка, чтобы стать капитаном, ей не принадлежат. Эти шрамы заработал Кайджел, а не она. Имя покойного старшего брата почти стало ее собственным, если бы не одно «но» — у нее никогда не получится быть похожей на него.

Затянув потуже ремень, закатав до локтя рукава свободной сорочки, украшенной замысловатыми кельтскими узорами, вышитыми золотыми нитями, нацепив на голову шляпу и проверив, не отсырел ли порох, молодой капитан толкает дверь каюты:

— England, ould Ireland! Hauley Hauley Ho!¹

Яркое солнце дробит и без того практически уничтоженное зрение. И Моргане нужно несколько мгновений, чтобы проморгаться и начать воспринимать мир таким, какой он есть на самом деле, — светлым, живым, не похожим на мир из ночного кошмара, где любое принятое решение было всего лишь иллюзией. Соленые брызги долетают со всех сторон, приятный легкий ветер и даже порядком затянувшаяся песня напоминают, что она все еще жива и стоит поблагодарить Бога за каждый дарованный новый день.

Кто-то замечает О'Райли.

— Захлопнули пасти. Кэп на палубе!

Моргана хмыкает, но скорее довольна, нежели злобно. На этом корабле только один закон — она. У пиратов свое братство, доверие друг к другу, но капитан всегда стоит на ступень выше.

Уверенным четким шагом, свойственным скорее человеку служившему, чем расхлябанному пирату, а уж тем более женщине, О'Райли поднимается на капитанский мостик, звеня клинком. Квартирмейстер — типичный рыжий ирландец в совершенно идиотской шляпе — шутиливо кланяется, как перед королем, предлагая встать за штурвал. Но капитан отказывается, качая головой.

— Приветствую, сэр.

— Давно палашом по лбу не получал? — Моргана морщится.

Прицепилось же это дурное прозвище. Как будто к пирату положено обращаться «сэр». И лучше б та портовая шлюха не строила из себя даму высоких нравов и заткнула свое кокетство куда подальше. Сейчас бы над ней не пытался подшучивать лучший друг, но все же прямой подчиненный.

¹ «Англия и старушка Ирландия! Хоули, хоули, хо!» (*Ирл.*) — старинная песня моряков и пиратов.

— Вы сегодня в дурном расположении духа, сэра, — рыжий все еще кланяется, не выпуская из рук штурвала, кто еще, кроме него, может себе позволить такое вольное отношение к капитану «Авантюры».

— Cum do theanga ablaich gun fheum¹, Колман.

— Слышу родную речь! Эх, сейчас бы домой!

— Тебя дома ждет виселица. Ты и под юбку к девке залезть не успеешь, как уже окажешься синим и обосрешь все портки.

При мысли о «свободной» Ирландии, которую большая часть экипажа зовет домом, хочется удавиться. И дело даже не в том, что едва их корабль бросит якорь в порту, как всю команду тут же проводят на эшафот. И вздернуты будут они на потеху публике за все прегрешения перед Господом Богом и короной. Даже каперская грамота не поможет. Уж доблестные офицеры найдут, как проигнорировать предписание короны. Дело в том, что Ирландия вот уже несколько столетий пытается сопротивляться гнету английских захватчиков, отчего-то возомнивших себя властелинами мира и хозяевами всех земель на свете.

— Флаг, капитан! Прямо по курсу галеон. Ост-Индская торговая компания! — вопит один из матросов, передавая вести из «гнезда» и прерывая начавшуюся было дружескую перепалку между капитаном и старпомом.

Кто-то из пиратов бросается к борту, чтобы взглянуть на приближающийся корабль.

Отличное место для нападения: сложный маршрут, галеон едва умещается в небольшом проливе среди цепи гористых островков. Если дать первый залп сейчас, есть все шансы заставить корабль противника изменить курс и отправиться на дно. Но сначала надо обчистить трюмы и найти то, что поможет разобраться с досадной проблемой. Лекарства, хотя бы спирт и чистые тряпки. В идеале — врача, который мог бы осмотреть сложную рану. Нет никаких гарантий, что галеон Ост-Индской торговой компании не конвоируют еще несколько кораблей, но тем больше и богаче будет добыча.

— Какие будут указания, сэра?

— Готовиться к атаке. Командуй, Колман.

Рыжий самодовольно улыбается, снимает шляпу, но в следующее же мгновение становится серьезным настолько, насколько во-

¹ «Заткни свою пасть» (ирл.).

обще позволяет нрав этого человека. Колман Мерфи — прекрасный квартирмейстер, которому можно доверить такое нелегкое дело, как командование судном во время боя, хоть это и не входит в его прямые обязанности. Сама О'Райли теперь едва ли скоро вернется к полноценному управлению кораблем.

И пока Колман Мерфи выполняет за Моргану работу, та стоит, сцепив руки в замок за спиной, и наблюдает за происходящим. Английский галеон — весьма интересная встреча и отличный повод поразмышлять под залп корабельных орудий, что же здесь может делать подобное судно. Возможно, короне не понравилось, что на пути в Гибралтар джентльмены удачи распоясались и имеют наглость нападать даже на корабли «своих». Но для этого можно было отправить в патруль и несколько бригав да нанять охотников за головами, те с удовольствием бы взялись за такую непильную работенку.

Матросы на деке закладывают ядра, усиленно орудуют банником¹, проталкивая снаряды под командованием канонира². Минутная готовность. Огонь. Книппель врзается в фок-мачту, с треском обрушивая ту на левый борт. Она зацепляет берег, вынуждая галеон развернуться и направить нос на скалы.

«Авантюра» дает еще один уверенный залп.

Прекрасный бриг, оснащенный всеми пушками, какие только могут быть на военном корабле подобного типа. О'Райли просто не позволила их утопить вместе с ядрами, когда корабль был захвачен в результате хорошо спланированного бунта. Можно сколько угодно рассуждать о скорости, маневренности и о том, как корабли пиратов выигрывают от этого, но ничто не сравнится с огневой мощью и дарованными ею возможностями.

Моргана кривит губы в улыбке, напоминающей голодный оскал хищника. Разрушения всегда доставляют ей особое удовольствие, особенно когда под мощь и ярость ее корабельных орудий попадают англичане. Национальная многовековая вражда, и ничего с ней не поделаешь.

¹ Банник — деревянная цилиндрическая колодка с щеткой, насаженная на древко. Служила для очистки канала орудия от порохового нагара и для заталкивания ядер.

² Канонир — рядовой артиллерист в парусном флоте, иногда — офицер-командир артиллеристов.

Команда галеона, не готовая к неожиданному нападению, не дает ответного залпа. Да и куда им до обстрела, когда судно несет напрямиком на скалы.

— Таран... и возьмем их на абордаж, Мерфи.

— Будет сделано, капитан.

Несколько громких выкриков, суетливые возгласы на палубе. Лихая «Авантюра» идет на таран. С треском ломается просмоленное дерево, во все стороны летят щепки. Кто-то торопится схватиться за патронташ, а капитан — за оградку на мостике, чтоб не свалиться за борт.

Старпом, получив отмашку, громоподобно ревет «на абордаж», возвещая о самом желанном этапе сражения для любого пирата. Нет радостнее мига, чем тот, когда толпа разъяренных головорезов врывается на чужой корабль и наводит ужас в клубах дыма. Моргана выхватывает пистолет из нагрудной кобуры, готовая ворваться в сражение в числе первых. Хоть какой-то плюс в отсутствии одного глаза — целиться стало чуть проще.

— Кэп, может, не стоит?! — обеспокоенно интересуется Колман, не уверенный в состоятельности собственного капитана после полученного ранения.

— Я одноглазый, а не косой, — и в этом вся О'Райли. — Ищите врача. Если такового нет, все полезное, что только есть на этой посудине. Не возвращаться с пустыми руками.

Моргана стискивает свободной рукой канат. Взлететь на мачту, перебежать по рее, балансируя удивительным образом, пока корабль содрогается от каждого нового выстрела. И вот подошвы сапог уже касаются палубы чужого судна прямо перед самым входом в капитанскую каюту. Не в самую гущу сражения, уже развернувшегося на вражеской палубе.

Обычно пираты пытаются брать на абордаж корабли, когда точно знают, что могут обойтись без единой жертвы. Но сегодня случай исключительный. И раз уж галеон сам подвернулся под руку, то грех не воспользоваться дарованным судьбой шансом. Моргане нужен человек с медицинским образованием. И такой на галеоне английской короны точно имеется.

Бой на палубе набирает нешуточные обороты. Слышатся крики пиратов, английских офицеров и, кажется, капитана корабля. Английских матросов намного больше, и подготовлены они лучше, но по отчаянному желанию перерезать всем глотки су-

щественно отстают от пиратов. И эта кровожадность команды «Авантюры» — большое преимущество для капитана О'Райли, даст немного времени, за которое она сможет обыскать нижние палубы, офицерские каюты и трюм. Обычно медика стараются держать поближе к офицерскому составу, священнику или капитану.

О'Райли оглядывается по сторонам:

— Сукин сын!

Моргана только и успевает пригнуться, толкнуть плечом дверь, чтобы ввалиться в помещение, когда в паре дюймов над ее макушкой свистит лезвие чужого клинка. Проклятье! Как нечестно, еще и со слепой стороны! Но чего еще ожидать от доблестных английских офицеров, из-за которых она теперь и вынуждена ходить с обмотанным тряпкой лицом. О'Райли захлопывает дверь. И судя по тому, что за ней никто не ринулся, основной целью была не ее голова.

Капитанская каюта — не трюм, но и здесь найдется чем поживиться: бортовой журнал и списки экипажа, чтобы точно убедиться, что на галеоне есть врач, деньги и карты, иная какая мелочь. Все можно пустить в дело в ближайшем порту.

Запнувшись о неприметный ящик, Моргана врезается в письменный стол, сшибает с него подсвечник, но в самый последний момент успевает его подхватить. Красивый, позолоченный, англичане любят осыпать себя золотом с награбленных земель да наслаждаться роскошью. Однако «чувствует землю» она недолго. Чужое судно содрогается от мощного залпа — ее экипаж не жалеет ядер, осыпает галеон чугунным градом. Пошатнувшись, Моргана ищет опоры. И находит ее в манекене с мундиром. Поправив его, направляется к столу, тут же открывает первый попавшийся ящик: ничего, перья да иные письменные принадлежности, перевязанные лентами письма. И только волею судьбы О'Райли поднимает голову, чтобы встретиться взглядом с человеком, у которого, видимо, тоже не задался день.

— Без резких движений, — как можно более серьезно произносит Моргана, наводя пистолет на противника, хотя напуганного юнца очень сложно назвать таковым.

Офицерский мундир должен придавать ему уверенности и быть свидетельством отваги и доблести, но на лице члена чужого экипажа не читается ни первое, ни второе.

Возможно, он даже впервые видит пирата где-то, кроме картинки в учебном пособии — если таковое вообще имеется в тех местах, в которых готовят людей, величающих себя гордостью британского флота. Что же он может понимать и знать о людях свободы? Что те жестоки и стараются не брать пленных? Что любой другой пират уже давно бы пристрелил его, а Моргана все еще не сделала этого?

— Вы же понимаете, что Компания это так не оставит?

В голосе молодого офицера дрожь, хоть он и старается говорить сквозь зубы, чтобы это было не так понятно. Моргана уже видела таких — совершенно трусливых, не готовых столкнуться с настоящей опасностью лицом к лицу. Противник поднимает руки. Он совершенно безоружен: ни шпаги, ни пистолета. И в глазах Морганы теперь более жалкий, чем показался на первый взгляд.

— Послушайте, сэр. Даже если вы потопите нас, то бриги вас настигнут. Если уйдете сейчас, даю слово, вас искать не будут.

О'Райли хмыкает. Совсем зеленый, еще не понимает, что не он тут оказывает ей услугу, а она ему — тем, что даже не пытается пристрелить, а держит лишь палец на курке. Капитан «Авантюры», поставив подсвечник на стол, освободившейся рукой начинает перебирать бумаги другого капитана, вытаскивает личный дневник и судовой журнал — все с эмблемой Ост-Индской торговой компании.

Галеон может перевозить ценный груз, которым неплохо было бы поживиться, но у них нет времени и численного преимущества, чтобы выносить все из трюмов и грузить на свой корабль. Хотя Моргана бы не отказалась от ящика-другого, набитого до краев табаком, чтобы вечером на верхней палубе раскурить с Колманом одну на двоих трубку.

— Какое мне дело до Компании? — интересуется Моргана, ее рваный ирландский акцент слишком сильно выделяется на контрасте с идеальной английской речью юнца.

О'Райли закрывает выдвижной ящик, переводит взгляд на мундир и без зазрения совести снимает его, чтобы примерить на себя, всунув руки в рукава. Несколько мгновений она красуется, разглядывает медные пуговицы, уверенная в том, что британский офицер не предпримет ничего для своего спасения.

— Срал я на вашу Компанию, парнишка. Это наше море. А вы в нем — лишь добыча. Ясно тебе?

Развернувшись на пятках, она вновь вскидывает пистолет и целится в офицера. И когда должен прогреметь выстрел, звучит лишь отчетливое «бу», а следом — лающий хохот. Медленно вышагивая, Моргана подходит к юноше и берет того двумя пальцами за подбородок. Ей льстит детская наивность и страх в серых глазах. Он не кажется ей слишком молодым, но все же он еще не умудрен опытом. Упустить несколько шансов спасти собственную шкуру еще надо постараться. Но он привык беспрекословно подчиняться приказам, даже если этот приказ ему отдал не его командир.

— Ты мне нравишься, трусишка. Если продолжишь вести себя так же глупо, даю слово, проживешь дольше всех остальных. А теперь спрячься, щенок, если хочешь дожить до следующего рассвета.

Офицер одним движением освобождается от ладони Морганы, отводит взгляд в сторону, может, от неприязни, а может, и от стыда, что так нелепо попался. Хотя откуда ему действительно было знать, что кто-то из противников окажется в месте, куда не дозволено ступать без разрешения даже самым приближенным к капитану офицерам.

Нет более уязвимой вещи, чем мужское эго.

О'Райли усмешается, и подбородка вместо руки уже касается дуло пистолета. Одно неудачное слово — и молодой человек может навсегда остаться лишь воспоминанием. Но уж точно не в ее памяти. Если Моргана будет запоминать всех, кого она когда-то убила, то ей не хватит памяти на другие моменты, радостные или нет — не имеет значения.

— Вас всех ждет виселица... до единого... — шипит юноша, продолжая держать руки над головой. Будто колкие слова как-то скомпенсируют пострадавшую гордость. Они могли бы разозлить Моргану, да только заставляют посмеяться.

— Хорошо, нас всех ждет виселица. Если нас *всех*, конечно же, поймают, — капитан пиратов надменно фыркает, сплевывает под чужие ноги. — А тебя ждет смерть, как и всю твою жалкую и ничемную команду. Рекомендую запомнить, как выглядит человек, отдавший приказ тебя убить.

Но Моргана не делает ни выстрела, ни выпада. Может, все дело в том, что она не уверена, что сможет добить жертву с одного выстрела, а может, ей требуется еще немного времени,

чтобы рассмотреть симпатичное лицо стоящего перед ней лейтенанта.

— Советов ты получил достаточно, щеночек. Если не хочешь ими пользоваться — твое право, но никто с тобой нянчиться не будет. И к мамке под юбку ты уже вряд ли добежишь. Так что, если хочешь жить, либо умоляй меня тебя не убивать и лижи мои ботинки, либо скули и плачь о том, как ты ценишь свою никчемную жизнь.

Офицер непроизвольно сжимает кулаки:

— Вам ведь нужен только груз. А не лишняя кровь на клинках. Я слышал про пиратский кодекс. Но, как и думал... это лишь вранье. Свободные люди, как же... — Он поднимает голову выше.

Дерзкий, в будущем он может стать кем-то большим, чем просто лающим, но не кусающимся зверьком. Пока что он выглядит глупым, наивным и пытается вывернуть ситуацию так, чтобы спасти себя, не прибегая к насилию, потому что не знал и обычной драки в трактире. И, наверное, думает, что имеет тут какие-то права. Типичный англичанин. Может, аристократ.

Моргана ненавидит англичан.

— Нам нужен только груз, верно. Лекарства, спирт... Видишь это? — Моргана похлопывает себя двумя пальцами по повязке. Рана уже не кровоточит, но все равно неприятно. — Ваши доблестные офицеры пытали меня. А затем, — О'Райли выхватывает короткий нож из-за пояса, вспарывает тряпки, чтобы размотать голову и показать обезображенную часть лица, — попытались лишить меня глаза. И все это под улюлюканье. Так о каком кодексе пиратов может идти речь, если ваши люди сами не соблюдают предписаний?

Ей неприятно вспоминать и думать о произошедшем несколько недель назад. Она еще не до конца оправилась, но немощный пират не может быть капитаном. И потому ей приходится сохранять достоинство и быть наравне, а то и лучше всех остальных, кого она называет своими людьми и командой.

Юнец смотрит, его нижняя губа подрагивает, он старается не кривиться от отвращения и произносит неожиданные слова:

— Мне... жаль, что так получилось. Офицеры Компании должны четко следовать правилам. А не заниматься пытками...

Моргана носком сапога отбрасывает тряпки, убирает нож обратно и только хочет ответить, как в каюту распаивается дверь.

В помещение врывается долговязый пират, он сразу же направляет оружие на юнца, щелкает спусковым крючком, но О'Райли оказывается быстрее на доли секунды. Вскидывает руку и выстреливает пирату в лоб. Он падает, так и не осознав — порох в его мушкете все равно отсырел.

— С-спасибо... — лепечет британский офицер, нервно сглатывая, у него дергается кадык под туго затянутым белым галстуком. Вероятно, он радуется, что смерть пришла не по его душу. Взгляд мечется во все стороны, но старается не задерживаться на трупе.

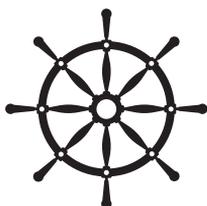
Билли же погиб смертью героя. Никто не узнает, как именно, но вечером кто-нибудь обязательно помянет его за ужином, выпив небольшое количество грога. Моргана отправляет мушкет в кобуру. У нее остался еще один заряд в другом пистолете. И если юнец дернется — пуля достанется ему. Но англичанин благоразумно предпочитает не двигаться. Моргана оставит его в живых, только чтоб потом он рассказал своим братьям по оружию, как ему крупно повезло.

— Так сколько там бригов? Два, говоришь?

С непринужденным видом, вальяжно Моргана направляется к распахнутым дверям. Уже на палубе О'Райли выхватывает клинок, чтобы снести голову пробегающему мимо офицеру в багровом мундире. Громкий свист раздастся на всю палубу.

— Сворачиваемся! Два брига на подходе! Хватайте все, что не приколочено, — кричит Моргана, привлекая к себе внимание тех, кто поближе. Кто-нибудь точно успел найти лекаря, а если и нет, то они поищут хирурга где-нибудь еще. Быстрой пробежкой добравшись до битенга¹, капитан перерубает у основания канат, чтобы взмыть на рею.

¹ Битенг — полая тумба над палубой судна для закрепления буксирного троса или каната.

ГЛАВА 2 НЕОЖИДАННАЯ ВСТРЕЧА

Произошедшее на галеоне оставило в памяти Бентлея Кеннета удивительный отпечаток: молодой офицер поклялся себе, что будет старательно служить, чтобы в будущем навсегда расправиться с пиратами и закончить их правление в море. Но только судьба направила его далеко не по дороге охотника за головами, и он потерял возможность дослужиться до адмиральского титула, предпочтя покинуть флот и напрямую заняться работой с Ост-Индской торговой компанией, что стало одним из лучших решений в его жизни. Бентлей быстрыми шагами поднялся по карьерной лестнице. Вера в благое дело, гибкий ум и решимость стали для него лучшими спутниками, способствующими получению прекраснейших рекомендаций.

Вполне радостную, хоть и нелегкую, жизнь омрачило одно горькое событие — четыре года назад умер его отец. Не справился с лихорадкой и навсегда покинул этот мир. Но Бентлей принял данное событие как своеобразное благословение. От отца ему как единственному сыну осталось поистине огромное наследство: пара хлопковых полей, накладные на три торговых судна и небольшое состояние, хранящееся в лондонском банке. Выручку и ценные бумаги лорд Бентлей Кеннет вложил в Ост-Индскую торговую компанию и стал ее акционером, что позволило ему только приумножить капитал и сделать еще один

шаг, чтобы приблизиться к единовластному правлению Компанией.

Но новые богатства и должность не заставили молодого лорда отказаться от обещания, данного себе. Жажда расправиться с пиратами лично вынудила его выйти в море. И новый корабль лорда — огромный галеон под гордым названием «Приговаривающий» — должен поспособствовать его войне с бесчинством в морском пространстве. Сто сорок пушек, четыре мачты, семьсот человек экипажа. И главное — эшафот на палубе, дабы каждому напоминать, что приговор может быть вынесен на борту, никто не получит отсрочки.

Сейчас галеон держит путь из Клодака обратно в Лондон. Незавершенные дела и срочное письмо короля стали веской причиной для спешного возвращения на родину.

Кеннет сидит в каюте, черкая пером в кожаной тетради — дневнике. Удивительно, у такого обученного человека хромает почерк, вместо идеально ровных букв на бумагу ложатся крючковатые загогулины. И имена незадачливых пиратов, и названия потопленных кораблей становятся чем-то неразборчивым и туманным, сродни древним иероглифам и клинописи.

— Ваш чай, сэра, — произносит далеко не юный помощник, подавая лорду поднос с белой фарфоровой чашкой, чайником и симпатичной пузатой сахарницей.

Пить чай по несколько раз в день принято у англичан с особой церемониальностью, но Кеннет игнорирует любые формальности. Письмо, написанное лично рукой короля Георга, заботит его больше, чем манеры. Мужчина задумчиво потирает переносицу, отрывает взгляд от бумаги и бережно кладет перо на стол рядом с дневником. Он делает еще один глоток, прежде чем заинтересоваться:

— Вы когда-нибудь слышали что-либо о Сфере тысячи сокровищ, мистер Спаркс?

Именно об этом спрашивает Бентлея король Георг. Вопросы, почему правитель решил поделиться информацией именно с ним, у Кеннета нет, он считает себя достаточно влиятельной личностью в свои двадцать три года, но планирует добраться и до палаты лордов в парламенте, чтобы принимать непосредственное участие в управлении страной. Вот только нечто оккультное никогда не было его спецификой. Бентлей лишь в далеком дет-

стве читал сказки и интересовался легендами. Сейчас, считая себя скептиком, он презирует всех наивных людей, верящих не просто в Бога, но и в иную паранормальную чушь.

— Никогда прежде, сэ, — отвечается Спаркс.

— Вот и я никогда прежде. Но меня тревожит, что чем-то подобным озаботился наш король. И если мы это не най... — договорить ему не дает запыхавшийся от спешки и торопливого бега лейтенант.

— Сэр! Пушки за грядой скал! Каковы ваши приказания? — офицер, вовремя спохватившись, отдает честь.

— Пушки? Поднять людей. Следовать на выстрелы. Мистер Спаркс, пройдемте на палубу. — Кеннет отставляет в сторону чашку, поднимается из кресла, берет темно-коричневый плащ и набрасывает себе на плечи.

Ему обязательно нужно проследить за всем, что происходит наверху.

* * *

— Вперед! — рывкает капитан корабля, вскидывая голову и придерживая ладонью шляпу с цветными перьями. Можно подумать, что девушка оглядывается по сторонам из-за чрезмерного беспокойства, но она делает это всегда — потому что по-другому просто не видит ничего вокруг себя. Сомнительный подарок от давних противников.

Обида и боль с годами только вызрели в ненависть к англичанам. Моргана — не та, кто мирится с подобной участью, и, как любой обиженной женщине, ей не только нужна месть, поданная холодной, но и то, что могло бы вернуть ее к прежней нормальной жизни, сделать чуть более дееспособной, но не менее опасной, чем она есть сейчас. Вот уже несколько лет, сыскав дурную славу одного из самых жестоких пиратов, она скитается по морям и островам, изучает истории и карты, лишь бы раскрыть древний секрет.

Слышно, как пираты с руганью готовят пушки. Раздается залп. Один, второй, третий. «Авантюра» на то и лихая, чтобы стремительно сблизиться с вражеским бригам. По обыкновению захватить его корабельными кошками да устроить резню.

О'Райли крепко стоит на ногах, поэтому и не бросает команду, поэтому вступает в этот бой одной из первых, грациозно танцуя

с мечом в своем синем мундире, расшитом кельтскими узорами и золотом. Им всем нужно на что-то жить, и жалкий английский бриг, а точнее, его груз, сослужит отличную службу и в других руках.

Одно удовольствие, когда теплая кровь струится по рукам, а лезвие хорошо наточенного клинка входит в тело врага или лишает его головы. Моргана безумна в бою, в какой-то степени это безумие ей даже к лицу. Украшает лучше всяких золотых побрякушек. Здоровый глаз блестит, как не блестит столовое серебро в доме знатного лорда. «Закуситься» с ней — гиблое дело практически для каждого.

Экипаж брига — плохо организованная шайка, но все же военных и знающих толк в морском искусстве людей. Они оказывают сопротивление, и кто-то даже подает сигнал о помощи, когда замечает вышедший из-за скалы еще один корабль.

Хотя помогать уже и некому.

Последнему Моргана сносит голову резким взмахом клинка. И, обтерев шпагу о рубаху одного из своих же матросов, резким и грубым голосом чеканит приказ чистить трюмы и топить бриг.

Все как обычно, все так, как и должно быть. Если бы не одно «но».

— Сэр, — рыжий квартирмейстер окликает капитана с привычной издевкой, прицепившейся со старых времен, — по курсу линейный. Ост-Индская торговая. Есть предложение собирать пожитки и сматываться к чертям. «Авантюра» едва дышит, нам нужен ремонт. Один залп мортирами, и мы тут все пойдем ко дну.

Ирландка получает от товарища подозрную трубу и вскидывает ее, чтобы лучше взглянуть на незамеченное ими «чудо». Корабль ей незнаком, по крайней мере видит она его точно впервые, а в море считает себя полноправной хозяйкой. Ост-индцы предпочитают не иметь с ней никаких дел, особенно когда на мачте реет красный флаг, предупреждающий, что пощады никому не будет.

Но вид громадной плавучей крепости развенчивает всю уверенность в себе.

— Англичане, — капитан сплевывает себе под ноги. — Уходим. Флаг опустить. Им не хватит скорости, чтобы нагнать нас. При любом раскладе. Ветер не в нашу пользу, но и не в их. Подорвем ко-